

Раздел I.

Журналистика и вызовы времени

УДК 070, 327.82

Бурлаков В.А.

Дальневосточный федеральный университет

ПРОБЛЕМА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ

В современной системе международных политических отношений значение идей и способов их трансляции возрастает. Формирование у объекта воздействия желаемого информационного образа становится важной функцией внешней политики государства. Важным методом такого воздействия является стратегическая коммуникация. В данной статье рассматривается проблема возможности применения стратегической коммуникации во внешней политике и исследуются идейные истоки СК.

Ключевые слова: стратегическая коммуникация, международные отношения, внешняя политика, геополитика, конструирование мира, политический дискурс

In the modern system of international political relations, the importance of ideas and methods of its broadcasts is increasing. The formation of desirable information image at object of exposure becomes an important function of foreign policy. An important method of such an impact is strategic communication. This article addresses the problem of the possibility of using strategic communication in foreign policy and explores the ideological origins of the SC.

Keywords: strategic communications, international relations, foreign policy, geopolitics, the construction of the world, political discourse

С начала XXI века понятие «стратегическая коммуникация» (strategic communication, или сокращенно stratcom – СК) становится популярным в научной среде. Кроме того, оно занимает прочное место и в официальных документах правительства США, что само по себе симулирует интерес к данной проблеме. Хотя сегодня СК в той или иной форме нашла свое применение во многих областях человеческой деятельности, чаще всего данным термином обозначался специфический инструмент обеспечения внешней политики государства.

Вместе с тем, принципы и подходы стратегической коммуникации имеют универсальный характер. Недалеко можно наблюдать достаточно широкое их применение в экономической сфере. Ориентируясь на достижение долгосрочных целей, многие компании включают в свой арсенал инструментариум СК.

Повышенное внимание к проблеме использования стратегических коммуникаций во внешней политике связано со стремлением расширить арсенал несиловых методов воздействия на потенциального противника (а, в случае необходимости, и союзника). В этом плане СК находится в одном ряду с такими понятиями, как информационная война и гибридная война. Информация является тем элементом, который сближает данные понятия. Однако в случае информационной войны качество информации оценивается только сквозь призму национального интереса, и никто в целом не ориентирован на соответствие предлагаемого информационного массива реальности. Главная цель состоит в том, чтобы реципиент воспринял предлагаемую информацию в том виде, в каком она ему преподносится.

Стратегические коммуникации ориентированы, прежде всего, на способ передачи информации. Предполагается, что качество ее восприятия напрямую зависит от канала коммуникации и способа ее кодирования. При этом предполагается, что передаваемая информация будет не только достаточно полно воспринята, но и станет основной для долгосрочной линии поведения.

Если проявление элементов информационной войны можно проследить уже в XVIII веке, то методика СК – явление достаточно современное. В силу этого полное и всестороннее рассмотрение теоретических принципов, лежащих в основе ее применения, должно способствовать пониманию природы данного явления. Если стратегическая коммуникация является инструментом информационного воздействия, то важно понимать, какие механизмы начинают работать, что может способствовать более эффективному ее применению, что может нивелировать воздействия данного инструмента. При этом речь в данном случае пойдет о применении СК во внешней политике государства.

Споры о сущности понятия СК и рамках использования данной концепции касаются в первую очередь сферы деятельности экономических субъектов. При трактовке внешнеполитического измерения стратегической коммуникации исследователи достаточно единодушно во мнении, что в «самом общем плане стратегическая коммуникация – это проецирование государством в сознание национальных и зарубежных целевых аудито-

рий определенных стратегических ценностей, интересов и целей путем адекватной синхронизации разносторонней деятельности во всех областях общественной жизни с ее профессиональным коммуникационным сопровождением» [1]. При этом СК понимается и как набор действий по формированию у целевой аудитории необходимых представлений и как совокупность самих этих представлений.

Цели стратегической коммуникации формулируются достаточно предметно. Так, кolumnист Ричард Халлоран полагает, что СК – это, прежде всего, «способ убедить других людей принять ваши идеи, политику или действия, что означает:

- убедить союзников и друзей остаться с вами,
- убедить нейтралов занять вашу сторону (или, по крайней мере, остаться нейтральными),
- а, в лучшем из миров, убедить противников, что у вас есть силы и воля к доминированию» [2].

Еще более наглядно операциональные цели стратегической коммуникации были прописаны в пространном документе, составленном сотрудниками Межвидового командования Вооруженных сил США: «Стратегическая коммуникация представляет собой систему долговременных и согласованных действий, реализуемую на стратегическом, оперативном и тактическом уровнях, которая позволяет выявить целевые аудитории, определить эффективные каналы воздействия на них для того, чтобы обеспечить требуемое устойчивое поведение этих аудиторий» [3].

Стратегическая коммуникация осуществляется в трех основных формах: связи с общественностью, публичная дипломатия и информационная операция. При этом подчеркивается важность синхронизации действий по данным направлениям.

Исследуя проблемы применения концепции стратегической коммуникации во внешней политике США, Е.Н. Пашенцев [4. С. 112-113] указывает, что составные части СК имеют свои особенности. Так, связи с общественностью ориентированы, прежде всего, на информирование иностранного реципиента и должны в значительной степени соответствовать его базовым мировоззренческим установкам, иными словами, говорить с ним на одном языке понятий и символов.

Существенным дополнением связей с общественностью должна стать публичная дипломатия, включающая «усилия по прямому взаимодействию с гражданами, общественными деятелями, журналистами и другими лидерами общественного мнения за пределами страны» [4. С. 112]. Специфика данного направления стратегической коммуникации состоит в том, что воздействие осуществляется точно, в отношении конкретных лиц. Неформальный характер публичной дипломатии значительно упрощает процесс взаимодействия с гражданами другого государства.

Третьей формой стратегической коммуникации являются информационные операции, под которыми подразумеваются «интегрированное использование радиоэлектронной войны, компьютерных сетевых операций, психологических операций, военного обмана и оперативной безопасности, включая их сопутствующие и прикладные аспекты, с целью повлиять, разрушить, испортить или перехватить процесс человеческого или автоматизированного принятия решения противником...» [4. С. 112-113].

С внешнеполитической точки зрения важно обратить

внимание на то, что концепция стратегической коммуникации подразумевает: наличие неких властных импульсов, представленных в виде четких смыслов, которые необходимо донести до определенной группы населения (целевой аудитории); определенное физическое присутствие на территории, на которую направлено властное воздействие; и формирование специфической коммуникационной инфраструктуры, способствующей распространению властных импульсов и отслеживанию обратной связи.

Стратегическая коммуникация призвана обеспечить политику государства за пределами национальных границ. Основным объектом воздействия является определенная целевая аудитория. В роли таковой выступает, прежде всего, политическая (шире – экономическая, научная, культурная и т.д.) элита того государства, в отношении которого предпринимаются соответствующие действия.

Результатом воздействия является формирование у целевой аудитории такой системы устойчивых представлений о действиях другого государства, которые бы полностью оправдывали данные действия. Тем самым обеспечивается лояльность политической элиты государства, на которое направлено данное воздействие, а, следовательно, и формирование действенной системы геополитического контроля над заданной территорией.

Безусловно, концепция стратегической коммуникации уязвима для критики. Так, российский исследователь Д.П. Гавра указывает, что хотя в ее основу заложены универсальные положения, позволяющие выделять различные уровни СК (от локального до глобального), следует все же понимать различия между внутренними и внешними коммуникациями. Внутренние преследуют цель поддержание стабильности отношений путем вовлечения реципиентов в процесс коммуникативного обмена. Внешние направлены, прежде всего, на конкурентов или потенциальных противников, а потому предполагают однонаправленное воздействие. Обратная связь в данном случае необходима лишь для оценки результата коммуникативного воздействия. В этом случае методы внешней и внутренней СК существенно различаются и не могут быть взаимозаменяемы [5. С. 233].

Другой исследователь, П. Колесов, указывает на слабую концептуальную проработанность самого понятия «стратегическая коммуникация». Используемые, прежде всего, в американской научной литературе и официальных документах, посвященных данной проблеме, подходы указывают на практическую тождественность таких понятий, как «информационные войны», «информационные операции», «стратегическая коммуникация» и т.д. На основании этого делается предположение о существовании так называемых «отвлекающих терминов», призванных закамуфлировать основные приемы внешнего информационного воздействия [6. С. 9].

Резюмируя, можно заметить очень важную функцию стратегических коммуникаций. Она состоит в том, чтобы сформировать у политической элиты (шире – экономической и интеллектуальной элиты) государства, на которое оказывается воздействие, во-первых, устойчивый положительный образ того, кто оказывает воздействие, во-вторых, устойчивую систему культурных ценностей, адекватную той, которая господствует в стране, осуществляющей СК.

Устойчивый положительный образ снижает уровень

сопротивляемости объекта воздействия. Действительно, зачем противостоять тому, кто постоянно декларирует о своих благих намерениях и находит достаточно убедительные аргументы, объясняющие даже неблагоприятные действия.

Устойчивая система новых ценностей неизбежно будет влиять и на систему национальных интересов. Именно политическая элита артикулирует интересы, которые после легитимации приобретают характер национальных, то есть тех, которые признаются жизненно важными для всего государства в целом. Культурные ценности при этом выступают в качестве важнейшего критерия, в соответствии с которым происходит формулирование интересов. Интересы не могут быть национальными, если в корне противоречат заложенным в обществе культурным ценностям. Корректируя систему ценностей, можно корректировать систему интересов.

Таким образом с помощью СК реализуется культурный вид властного ресурса, то есть формируется такая идеокультурная среда, которая позволяет легитимировать совершенно различные идеологические конструкции. Было бы ошибкой думать, что стратегическая коммуникация является единственным и универсальным методом внешней политики. СК призвано выполнять ограниченные, но вполне конкретные функции в рамках внешнеполитических действий государства. Однако СК конкретизирует несиловой арсенал внешней политики и позволяет расширить сферы воздействия.

Впервые возможность целенаправленного формирования неких устойчивых представлений у определенной части общества описывается итальянским философом Антонио Грамши в его концепции гегемонии. По его мнению, насилие не может выступать достаточным основанием господства какого-либо класса. Обязательным условием является также наличие согласия подчиненных по поводу сложившегося порядка вещей. При этом согласие основывается и на признании каких-либо базовых культурных и идеологических паттернов, и на убеждении, как процессе восприятия каких-то новых идей и образов. Уровень согласия, достаточный для поддержания господствующего класса, и понимается Грамши как гегемония [7. С. 276 – 277].

Согласие изначально мыслится как некая форма конкуренции различных идеологических систем. В зависимости от исторических условий доминирующее положение могут занимать различные идеологии.

Конструктивно гегемония Грамши зиждется на некоем «культурном ядре», включающем базовые представления данного общества об окружающем мире. Эти представления включают в себя сложившуюся в течение веков совокупность символов, образов, традиций, предрассудков, опыта и т.д. Основным носителем «культурного ядра» выступает интеллигенция, то есть та социальная прослойка, которая отвечает за выполнение интеллектуальной функции в обществе. При этом именно интеллигенция обеспечивает гегемонию господствующего класса, культивируя и популяризируя базовые идеологические установки [8. С. 173 – 174].

В данной ситуации революция будет представлять собой процесс постоянного и целенаправленного воздействия на гегемонию, процесс подрыва «культурного ядра» с тем, чтобы сделать его идеологически рыхлым, не способным мобилизовать коллективную волю. Такое воздействие осуществляется в виде точечных ударов, устремленных на те установления, которые никогда не

подвергались сомнению. По мнению Грамши, достигается это не путем изречения каких-либо новых истин и постулатов, а давлением на обыденное сознание среднего человека. Результатом должно стать сомнение в правильности господствующий установлений и, как следствие, подрыв имеющегося в обществе согласия.

Концепция гегемонии Грамши в значительной степени дополняется теорией коммуникативного действия Юргена Хабермаса, предполагающей доминирующее значение коммуникации в современном мире.

Достижение индивидуальных целей в современных условиях жизнедеятельности возможно, по Хабермасу, в рамках общего определения ситуации. Поэтому индивиду при реализации своих целей необходимо гармонизировать свои действия с другими индивидами с тем, чтобы повысить эффективность своей деятельности. Достижение взаимопонимания возможно через процесс коммуникации. При этом коммуникативными Хабермас называл «такие интеракции, в которых их участники согласуют и координируют планы своих действий; при этом достигнутое в том или ином случае согласие измеряется интересубъективным признанием притязаний на значимость» [9. С. 91].

В такой интерпретации коммуникации значение ее участников меняется. Основное внимание концентрируется на соучастии и совместной деятельности субъектов коммуникативного процесса. Коммуникация предстает в форме диалога, рассчитанного на взаимное понимание.

Основным средством осуществления коммуникативного действия является «формально-прагматический дискурс», под которым понимается определенная модель аргументации, с помощью которой анализируются (или тематизируются) противоречивые, спорные утверждения и устанавливаются нормы социальной жизни и социального действия. Хабермас пишет, что «...если нуждающийся в обосновании образ действия имеет коллективную природу, то члены такого коллектива должны прийти к общему решению. Они должны постараться убедить друг друга в том, что в интересах каждого из них, чтобы все поступали таким образом. В таком процессе один будет приводить другому основания в поддержку того, почему он хочет, чтобы какой-либо образ стал обязующим в социальном плане. Каждый, кого это касается, должен иметь возможность убедиться в том, что предложенная норма в данных обстоятельствах «одинаково хороша» для всех. И именно такой процесс мы называем практическим дискурсом» [9. С. 112].

Основная цель дискурса – стремление к истине, которая понимается Хабермасом консенсуально, то есть как результат согласования разнонаправленных мнений. Ключевыми здесь становятся наиболее убедительный аргумент и наиболее надежное свидетельство.

Хабермас не допускает возможности навязывания какой-либо истины. Свободное выражение теоретически должно нивелировать возможность подавления мнения участника коммуникативного процесса. Однако сам философ признает, что истина – это то, что принимается другими в качестве таковой. Таким образом, консенсус возможен, но он не может быть устойчивым. Более того, консенсус конструируем, то есть в качестве истины могут предлагаться различные суждения, которые в данный конкретный момент оказались более аргументированными.

Описывая процесс формирования концепции стратегической коммуникации, следует также обратить

внимание и на теорию британского социолога Зигмунда Баумана «текущая современность», которая, пусть и немного метафорически, описывает процесс перехода современного человеческого общества в новое состояние. Новое состояние – это состояние «текучести», то есть непрерывного перемещения, плавления, перетекания. Мир сложно структурированный уступает место миру гибкому, свободному от различных границ и условий. Новый мир теряет твердость, но приобретает свойство быстрой адаптивности к изменяющимся внешним условиям.

«В наши дни паттерны и конфигурации больше не заданы и тем более не самоочевидны; их слишком много, они сталкиваются друг с другом, и их предписания противоречат друг другу, так что все они в значительной мере лишены своей принуждающей, ограничивающей силы. Их характер изменился, и в соответствии с этим они реклассифицированы как пункты в списке индивидуальных задач. Вместо того, чтобы служить предпосылкой стиля поведения и задавать рамки для определения жизненного курса, они следуют ему (следуют из него), формируются и изменяются под воздействием его изгибов и поворотов. Силы сжигания переместились от системы к обществу, от политики к жизненным установкам – или опустилась с макро- на микроуровень социального общежития» [10. С. 14].

Сам Бауман в своей концепции достаточно оптимистичен. Человек становится более свободным. Не имея каких-либо длительных обязательств, он приобретает большую мобильность. Его творческий потенциал практически ничем не сдерживается. Однако не приведет ли потеря устойчивых паттернов к тому, что человек станет более внушаем, более восприимчив к некоему внешнему воздействию, диктующему ему жизненные ориентиры и цели?

Грамши, Хабермас и Бауман задали своего рода социально-философский фон новым исследованиям, направленным на рассмотрение международных отношений и внешней политики. Идея возможности несилового воздействия на внешнеполитического конкурента, а также описание вполне рационального механизма такого воздействия не могли не повлиять на процесс формирования новых теорий международных отношений.

Французский ученый Жан Готтман стал одним из первых авторов, в чьих теоретических построениях можно найти элементы нового понимания мира международной политики. Работая в русле геополитической традиции, он, в то же время, существенно корректирует пространственное понимание политики. Одной из ключевых категорий его теоретических построений становится понятие «иконография» («iconography»), которое трактуется в расширительном контексте, как система символов, как завершенный духовный комплекс [11].

Географическое пространство наполняется идейным смыслом (совокупностью образов и символов) и уже начинает жить собственной жизнью. Пространство отождествляется с народом, а народ с пространством. В этой связи значение пространства определяется не физико-географическими параметрами, а системой образов, четко вписывающей данное пространство в социокультурную среду данного народа.

Процесс наделения пространства идейным смыслом достаточно сложен и подразумевает не только формиро-

вание некоего ментального отражения. Вокруг образа происходит формирование социальных и политических институтов, выстраивание неких культурных паттернов, конструирование религиозных особенностей.

По сути, географическое пространство у Готтмана это, прежде всего, то, как мы его представляем. В силу этого изменение образа данного пространства может привести и к изменению значения данного пространства в жизнедеятельности населяющего его народа. При этом новый образ может быть и привнесенным извне. То есть речь идет о конструируемости реального мира, искусственным созданием окружающей нас действительности.

В том же ключе строят свои рассуждения и представители Копенгагенской школы международных отношений, для которых международный порядок стал конструктом социальных практик.

Конструируемость реального мира, а также конкуренция образов хорошо проявляются в концепции секьюритизации, сформулированной американским социологом Барри Бузаном.

Секьюритизация – это процесс, в котором определенный объект представляется как проблема безопасности. При этом ключевыми этапами процесса выступают заявление, что возникла угроза существования референтного объекта, и убеждение аудитории в данном заявлении [12].

Таким образом и безопасность как категория международной политики, вслед за географическим пространством, теряет свой объективный характер и предстает лишь в виде политической дискуссии, основная цель которой состоит в определении политических приоритетов. Значимость той или иной проблемы с точки зрения безопасности определяется, прежде всего, набором аргументов, которые секьюритизирующий актер смог привести для ее обоснования. Вопрос безопасности предстает вопросом борьбы идей за доминирование в умах большинства.

В рамках идеи конструируемости мира строят свои концепции и представители нового направления геополитики, получившего название «критической». Данное направление ассоциируется с именами Джерарда О'Туатэйла (Дж. Тоала), Джона Эгнью и Саймона Дэлби. Авторы, с одной стороны, продолжили ревизионистскую традицию французского геополитика Ива Лакоста, отличающуюся строгим научным подходом, а, с другой, выбрали в себя идеи постмодернизма, ориентированного на деструктуризацию научного знания. Это позволило в значительной степени расширить предмет геополитики. Ограничиваться только вопросами влияния географического пространства на политику теперь стало просто невозможно.

Одним из ключевых стало положение «критической геополитики» о социальной конструируемости пространства. Это значит, что оно перестало быть объективным, а превратилось в набор субъективных образов, подверженных постоянному изменению. Ключевым компонентом конструирования пространства в этом случае должны стать политический дискурс и коммуникация [13. С. 270]. Значение тех или иных географических объектов и соответственно набор функций, который данный объект призван выполнять в рамках геополитической системы, определяются борьбой идей и образов. То есть политический дискурс признается в качестве основополагающего момента определения внешней политики государства.

В отличие от Готтмана, который склонялся к тому, что наполнение географического пространства идейным смыслом происходит естественным путем, в ходе достаточно продолжительного периода проживания народа на данной территории, сторонники «критической геополитики» изначально ориентированы на конструируемость геополитической реальности.

Таким образом, подводя итог, можно сделать ряд важных выводов. Во-первых, концепция стратегической коммуникации имеет достаточно глубокую идейную историю. И если социальная философия задает определенный набор базовых методологических идей и концепций, то теории, разрабатываемые в рамках науки международных отношений и геополитики, позволяют СК стать действенной технологией формирования устойчивых предпочтений.

Во-вторых, СК технологически переводит международно-политическую борьбу в сферу противостояния идей и образов. Борьба должна вестись не только за обладание материальными ресурсами, но и за возможность влияния на мировоззрение людей, их убеждения и культурные ценности. Но если методы пропаганды и информационной войны отличаются определенной грубостью и практически всегда несут в себе негативный заряд, то стратегические коммуникации способны справиться с той же задачей гораздо эффективнее.

И, в-третьих, можно констатировать, что эффективность внешней стратегической коммуникации определяется ее встроенностью в ту общую внешнеполитическую линию, которую осуществляет данное государство. СК способны транслировать культурные идеи и образы, воздействовать на ментальную сферу народа, но если данные усилия не поддерживаются другими видами властных ресурсов (институциональным и материальным), то ожидать успеха намеченных действий не представляется возможным.

Литература

1. Пашенцев Е.Н. Стратегическая коммуникация Китая в Латинской Америке и ее интерпретация в США // Государственное управление. Электронный вестник. - 2013. - № 36. - С. 80-98.
2. Robert W. Grupp. "Strategic Communication" Defined. Posted Jan 1, 2013. [Электронный ресурс] URL: <http://thescli.org/strategic-communications-defined/>
3. Commander's Handbook for Strategic Communication and Communication Strategy Version 3.0. US Joint Forces Command Joint Warfighting Center. 24 June 2010 [Электронный ресурс] URL: http://www.dtic.mil/doctrine/doctrine/jwfc/sc_hbk10.pdf
4. Пашенцев Е.Н. Стратегическая коммуникация США: проблемы нарастают // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: исторические науки. - 2012. - № 2 (10). - С. 111-118.
5. Гавра Д.П. Категория стратегической коммуникации: современное понимание и базовые характеристики // Век информации. - 2015. - № 3(4). - С. 229-233.
6. Колесов П. Ведение Соединёнными Штатами информационных войн. Концепция «Стратегических коммуникаций» // Зарубежное военное обозрение. - 2010. - № 6. - С. 9-14.
7. Алексеева Т.А. Современные политические теории. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. - 344 с.
8. Грамши А. Искусство и политика: в 2-х т. Т.1. / Пер.

с итал. М.: Искусство, 1991. - 432 с.

9. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Пер. с нем. СПб. «Наука», 2001. - 380.

10. Бауман З. Текучая современность / Пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. - 240 с.

11. Мунтян М.А. Жан Готтман и его геополитическая концепция [Электронный ресурс] URL: <http://viperson.ru/articles/zhan-gottman-i-ego-geopoliticheskaya-kontseptsiya>

12. Якушина О. Теория секьюритизации в международных отношениях [Электронный ресурс] URL: <http://www.geopolitica.ru/article/teoriya-sekyuritizacii-v-mezhdunarodnyh-otnosheniyah-ch1#.WADWsl-LTcs>

13. Русанова М.И. Критический сдвиг в исследовательской парадигме геополитики: геополитика как наука, способствующая созданию империй // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. - 2013. - № 7-2. - С. 270-273.